

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.101.113>

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО АЛТАЯ ЖУЖАНСКОГО ПЕРИОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМПЛЕКСА ЧОБУРАК-I)¹

© 2023 г. Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин, С.С. Матренин, Т.С. Паршикова

В статье представлены результаты анализа, культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации одного из женских погребений (курган №32а), раскопанных на небольшом некрополе булан-кобинской культуры в составе памятника Чобурак-I. Данный комплекс, исследованный археологической экспедицией Алтайского государственного университета, расположен в Чемальском районе Республики Алтай. Ключевыми характеристиками рассматриваемого женского погребения являются небольшая каменная насыпь с овальной крепидой, неглубокая, узкая и длинная яма, труположение вытянуто на спине с ориентировкой головой в западном направлении, а также сопроводительное захоронение лошади в «ногах» человека. В могиле обнаружен представительный инвентарь, включавший украшения, элементы костюма, орудия труда и конское снаряжение. Анализ находок позволил определить датировку данного объекта в рамках середины – второй половины IV в. н.э. Зафиксированные особенности ингумации с верховым конем демонстрируют принадлежность захоронения к дялянской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры. Судя по качественному составу предметов, женщина, похороненная в кургане №32а, обладала достаточно высоким социальным статусом в рамках локального коллектива, оставившего некрополь Чобурак-I.

Ключевые слова: археология, жужанское время, Алтай, женское погребение, хронология, булан-кобинская культура, социальная история.

NEW DATA ON FEMALE BURIALS OF ROURAN PERIOD FROM THE NORTHERN ALTAI (BASED ON THE MATERIALS FROM THE CHOBURAK-I COMPLEX)²

N.N. Seregin, A.A. Tishkin, S.S. Matrenin, T.S. Parshikova

The article presents the results of the analysis, cultural-chronological and ethnic-social interpretation of one of the female burials (barrow No. 32a), excavated at a small necropolis of the Bulan-Koby culture as part of the Choburak-I site. This complex, studied by the archaeological expedition of the Altai State University, is located in the Chermal district of the Altai Republic. The key characteristics of this female burial are a small stone mound with an oval revetment; a shallow, narrow and long pit; the corpse is stretched on the back with the head, oriented to the west, as well as the accompanying burial of a horse at the “legs” of a dead. A considerable inventory was found in the burial, including jewelry, costume details, tools and harness. Analysis of the finds made it possible to determine the dating of this object within the middle – second half of the IV century AD. The recorded features of inhumation with a riding horse demonstrate that this burial belongs to the Dyalyan tradition of the ritual practice of the Bulan-Koby culture nomads. Judging by the qualitative composition of the items, woman, buried in barrow No. 32a, had a high social status in the local community, that left the Choburak-I necropolis.

Keywords: archaeology, Rouran period, Altai, female burial, chronology, Bulan-Koby culture, social history.

¹ Анализ и интерпретация комплекса осуществлены при финансовой поддержке РФФ №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>. Обработка материалов раскопок некрополя Чобурак-I проведена в рамках программы развития ФГБОУ ВО АлтГУ «Приоритет 2030».

² The analysis and interpretation of the complex were carried out with the financial support of RSF (project №20-78-10037, <https://rscf.ru/project/23-78-50005/>). Processing of the materials from the Choburak-I necropolis was carried out within the "Priority-2030" Program by the Altai State University.

Рис. 1. Расположение памятника Чобурак-I.

Fig. 1. Location of the Choburak-I site.

Введение

На сегодняшний день история кочевников Алтая в эпоху Великого переселения народов известна, главным образом, по материалам раскопок погребальных памятников булан-кобинской культуры, осуществленным в конце XX – начале XXI вв. разными научными учреждениями Сибири. Одним из результатов имеющегося опыта научных изысканий стало представление о сложных этносоциальных процессах, происходивших на данной территории во второй четверти I тыс. н.э., что в значительной степени было обусловлено фактором военно-политической активности держав центрально-азиатских nomads, прежде всего сяньби и жужаней. Отражением данной ситуации можно считать проживание на Алтае носителей нескольких традиций погребальной практики с разнообразной материальной культурой, гетерогенный антропологический облик макро и микрогрупп населения, а также свидетельства вооруженного насилия с использованием летального оружия (Серегин, Матренин, 2016, с. 147–165; Чикишева, Поздняков, 2000; Тур, Матренин, Соенов, 2018; и др.).

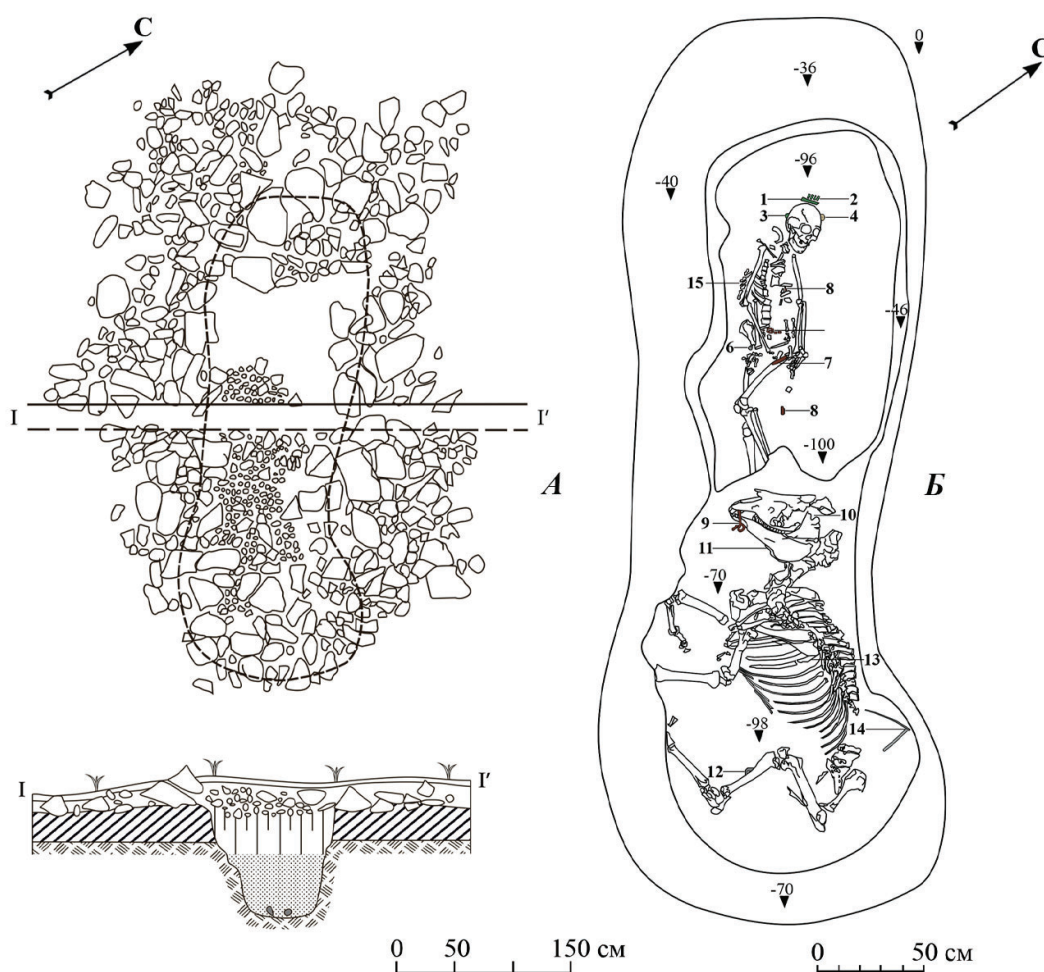
Одной из проблем в интерпретации имеющихся источников остается выделение общих, особенных и единичных признаков погребального обряда женской части популяции булан-кобинской культуры в жужанское

время (вторая половина IV – первая половина V вв. н.э.). Это связано, главным образом, с малочисленностью исследованных в регионе женских захоронений, относящихся к обозначенному периоду (Серегин, Матренин, 2020, с. 24). Приходится констатировать, что среди более 130 раскопанных на Алтае погребений второй половины IV – первой половины V вв. н.э. в составе одиннадцати некрополей остатки женщин уверенно идентифицированы лишь в 24 объектах, из которых полноценно введена в научный оборот только половина (Гаврилова, 1965, с. 54; Соенов, Эбель, 1992, рис. 25–27; Соенов, 2000, с. 1–3, 6, 7, 10; Бобров, Васютин А.С., Васютин, С.А., 2003, с. 174; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 151, 155; Серегин и др., 2019).

Обозначенные обстоятельства определяют важность проведения целенаправленных полевых исследований и осуществления полноценной публикации новых материалов жужанского времени. Настоящая статья посвящена введению в научный оборот сведений об одном из женских погребений, раскопанных в составе некрополя Чобурак-I в Северном Алтае.

Характеристика источников

Погребально-поминальный комплекс Чобурак-I расположен в Чемальском районе Республики Алтай, на правом берегу р. Катунь, к югу от с. Еланда (рис. 1). В процессе архе-

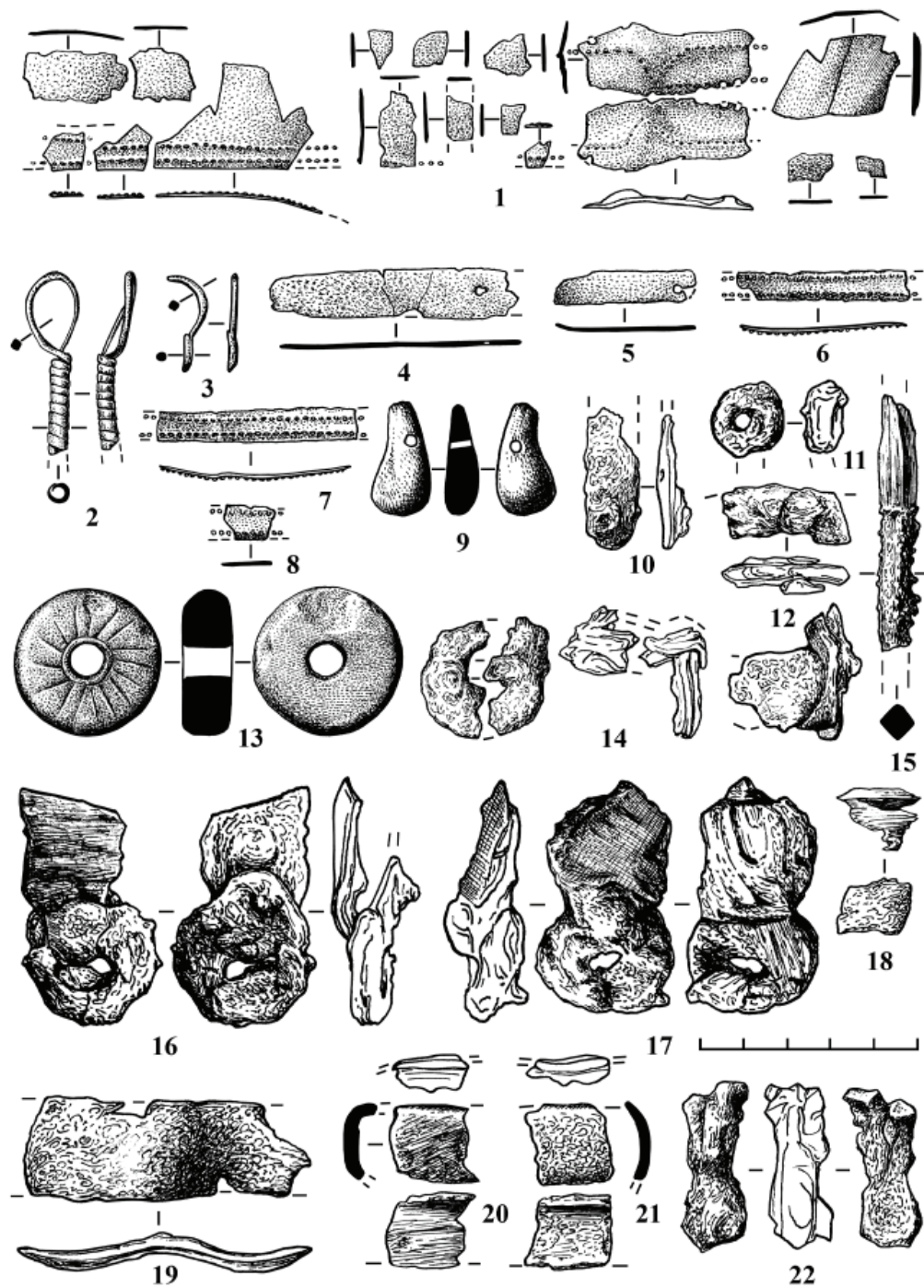
Рис. 2. Чобурак-I, курган №32а: А – план и разрез погребального сооружения; Б – план захоронения женщины с лошадью (1 – большая нашивная пластина; 2 – малые нашивные пластины; 3 – серьги; 4 – пряслице; 5 – элементы пояса (пряжка, бляхи, крепления); 6 – подвеска; 7 – шило; 8 – обломки изделий; 9 – удила; 10 – уздечная пряжка; 11 – детали конского снаряжения; 12 – подпружная пряжка; 13 – накладка; 14 – седельные канты; 15 – кости мелкого рогатого скота).

Fig. 2. Choburak-I, barrow No. 32a: A – plan and cross-sectional view of the burial structure; Б – plan of a female burial with a horse (1 – large sewn-on plate; 2 – small sewn-on plates; 3 – earrings; 4 – spindle whorl; 5 – belt elements (buckle, badges, fasteners); 6 – pendant; 7 – awl; 8 – fragments of items; 9 – bits; 10 – bridle buckle; 11 – harness elements; 12 – girth buckle; 13 – mount; 14 – saddle facings; 15 – bones of small cattle).

ологических работ на обозначенном памятнике Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов статьи был полностью раскопан некрополь буланкобинской культуры (Серегин и др., 2019; и др.). Он состоял из двенадцати курганов, компактно локализованных между самыми крупными погребальными сооружениями, относящимися к периоду энеолита и раннекифскому времени. Все насыпи, содержавшие женские могилы (курганы №32а, 33, 34), входили в состав одной цепочки, включавшей, кроме того, погребение ребенка (курган №29),

подростка (курган №29а) и мужчины (курган №32). Представим подробную характеристику захоронения из кургана №32а с акцентом на ключевые характеристики данного объекта, важные для его культурно-хронологической и этносоциальной интерпретации.

Курган №32а имел плоскую каменную насыпь, до раскопок практически не выделявшуюся на современной поверхности. Установлено, что это была наброска овальной формы размерами 5,56×3,84 м (высотой до 0,4 м), с более крупными камнями по внешнему контуру, которые образовывали крепиду (рис. 2: А). В границах данной выкладки располагалась

Рис. 3. Предметный комплекс из погребения кургана №32а некрополя Чобурак-I: 1, 4–8 – нашивные пластины; 2, 3 – серьги; 9 – подвеска; 10–12, 18, 20–22 – детали снаряжения; 13 – пряслице; 14 – поясная пряжка; 15 – шило; 16, 17, 19 – поясные бляхи (1–8 – цветной металл; 9 – кость; 10–12, 14–22 – железо; 13 – камень).
Fig. 3. Finds from the burial of the barrow No. 32a at the Choburak-I necropolis: 1, 4–8 – sewn-on plates; 2, 3 – earrings; 9 – pendant; 10–12, 18, 20–22 – equipment elements; 13 – spindle whorl; 14 – belt buckle; 15 – awl; 16, 17, 19 – belt badge (1–8 – non-ferrous metal; 9 – bone; 10–12, 14–22 – iron; 13 – stone).

могильная яма овально-вытянутой формы длиной 4,34 м и шириной 1,4–1,65 м, ориентированная продольной осью по линии юго-восток – северо-запад. В процессе выборки ямы выявлена достаточно плотная структу-

ра грунта, в котором встречались массивные гальки и рваные камни. По мере увеличения глубины могила сокращалась в размерах уступами и достигла на уровне дна длины 3,76 м, ширины 0,8–1,18 м.

В северо-западной половине ямы, на ее дне (показатель глубины 0,96–1 м от уровня древнего горизонта) расчищен скелет женщины 40–50 лет¹ в анатомическом порядке (рис. 2: Б). Умершая была уложена на спину со слегка согнутыми ногами, головой на северо-запад. Левая рука покойной размещалась прямо, правая была немного согнута в локте. Голова умершей женщины была повернута на левую сторону. Возле правого плеча выявлены остатки ритуальной мясной пищи в виде костей мелкого рогатого скота (овцы). С покойной обнаружен разнообразный набор изделий. За головой погребенной зафиксированы фрагменты одной большой (рис. 3: 1) и пяти малых (рис. 3: 4–8) нашивных пластин из цветного металла, а также каменное пряслице с солярным орнаментом (рис. 3: 13). Под черепом лежали две серьги из цветного металла разной формы (рис. 3: 2, 3). В области тазовых костей выявлены сильно корродированные железные элементы пояса: пряжка с подвижным язычком, овальной рамкой и щитком-полуобоймой плохой сохранности (рис. 3: 14), три бляхи-накладки вытянуто-прямоугольной формы (рис. 3: 10, 12, 19), две бляхи-полуобоймы с подвижными кольцами (рис. 3: 16, 17), фрагмент крепления в виде кольца (рис. 3: 11). Под правым крылом таза лежала подвеска из зуба марала (рис. 3: 9), а у левого бедра – железное шило (рис. 3: 15). Обломки железных изделий, не поддающихся функциональной атрибуции, зафиксированы среди ребер (рис. 3: 18, 22) и возле левой ноги (рис. 3: 20–21).

В юго-восточной половине могилы, в «ногах» умершей женщины, на глубине 0,78–0,98 м от уровня древнего горизонта располагалось сопроводительное захоронение верхового коня, уложенного на правый бок с подогнутыми конечностями и обращенного головой в одну сторону с человеком, т.е. на северо-запад. В разных частях скелета животного зафиксированы предметы снаряжения. В зубах находились железные удила (рис. 4: 2), за черепом – железная уздечная пряжка с подвижным язычком и щитком (рис. 4: 1), возле нижней челюсти – железные тренчик (рис. 4: 4) и пластина (рис. 4: 6), среди ребер – железная накладка (рис. 4: 5), а под костями задних ног – костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком (рис. 4: 3). За спиной лошади обнаружены достаточно полно сохранившиеся фрагменты костя-

ных (роговых) кантов от двух седельных луков (рис. 4: 7, 8).

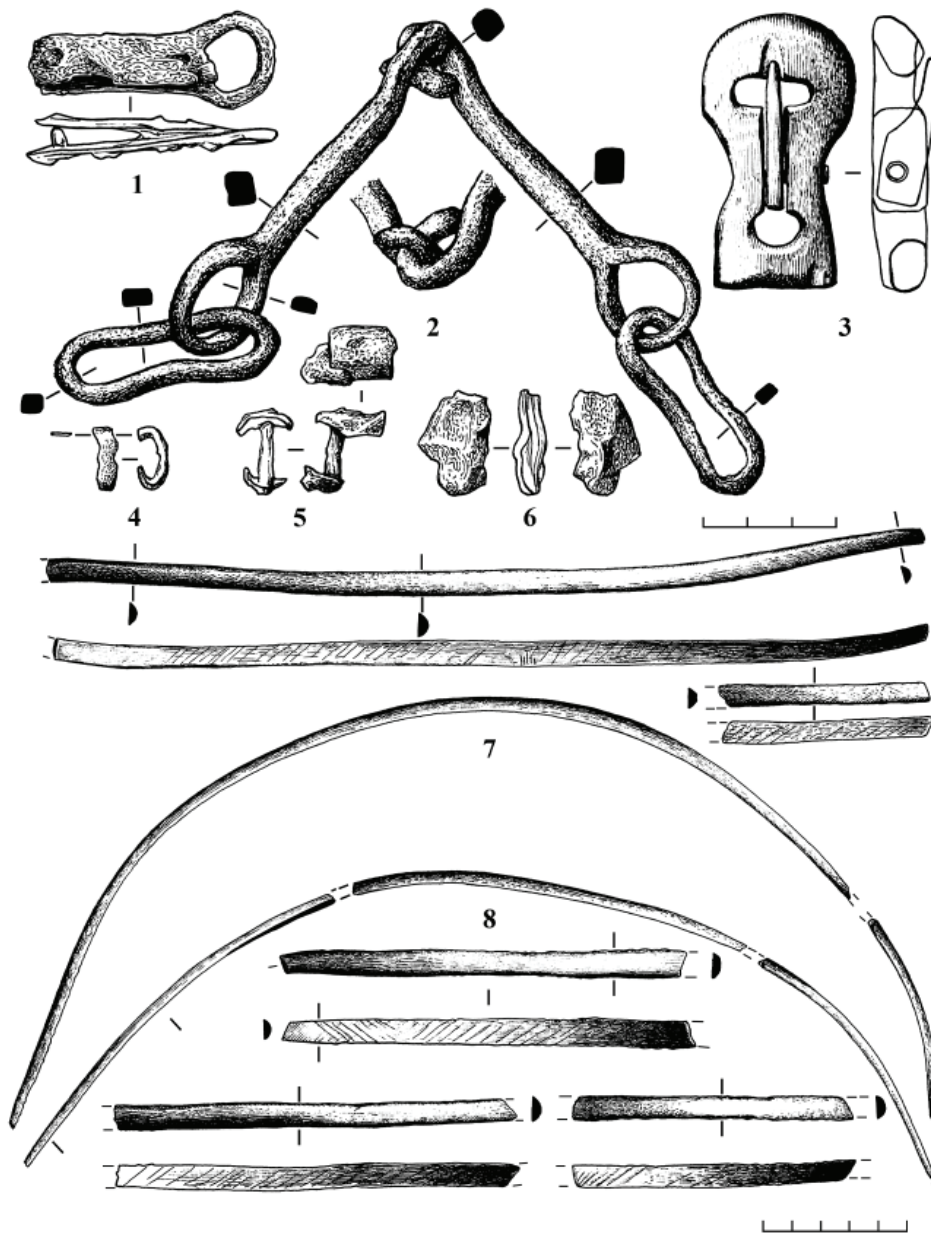
Анализ материалов

Рассматриваемый объект, как и другие исследованные на памятнике Чобурак-I погребения взрослых людей булан-кобинской культуры, был совершен по нормам обрядности дялянской традиции. Ее ключевыми признаками являются небольшая каменная насыпь с овальной крепидой, неглубокая, узкая и длинная яма, труположение человека вытянуто на спине с ориентировкой головой в западном направлении, сопроводительное захоронение лошади в «ногах» или поверх умершего (Серегин, Матренин, 2016, с. 161–162).

В публикуемом закрытом комплексе был обнаружен весьма разнообразный сопроводительный инвентарь, включавший как широко распространенные, так и достаточно редкие типы изделий. Многие из находок являются информативными для определения хронологии погребения и осуществления социальной интерпретации рассматриваемого объекта.

Среди украшений показательной является хорошо сохранившаяся серьга, имеющая сомкнутое овальное кольцо и выделенное основание в форме цилиндрической спирали (рис. 3: 2). Еще одно такое изделие представлено фрагментом (рис. 3: 3). Серьги рассматриваемой конструкции выступают одним из индикаторов предметного комплекса из объектов заключительного этапа (вторая половина IV – V в. н.э.) булан-кобинской культуры и зафиксированы в процессе раскопок некрополей Верх-Уймон, Дялян, Яломан-II (Соенов, 2000, рис. 7: 9; Тетерин, 2005, рис. 2: 29). По мнению некоторых исследователей, поздние образцы подобных экземпляров могут датироваться в рамках V – первой половины VI в. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 57). Ближайшие аналогии им обнаружены в памятниках Верхнего Приобья и Восточного Казахстана эпохи Великого переселения народов (Грязнов, 1956, табл. XLV: 11, 25–27; Арсланова, 1975, табл. II: 11).

Головной убор женщины из кургана №32а был декорирован большой нашивной пластиной из цветного металла, которая представляла собой полосу, согнутую в низкую дугу и орнаментированную рядами точечного рельефного узора (рис. 3: 1). Судя по имеющимся археологическим материалам, похожие изделия использовались населением булан-кобинской

Рис. 4. Предметный комплекс из погребения кургана №32а некрополя Чобурак-I: 1 – уздечная пряжка; 2 – удила; 3 – подпружная пряжка; 4 – тренчик; 5, 6 – детали конского снаряжения; 7, 8 – седельные канты (1, 2, 4–6 – железо; 3, 7, 8 – кость/рог).

Fig. 4. Finds from the burial of the barrow No. 32a at the Choburak-I necropolis: 1 – bridle buckle; 2 – bits; 3 – girth buckle; 4 – belt loop; 5, 6 – harness elements; 7, 8 – saddle facings (1, 2, 4–6 – iron; 3, 7, 8 – bone/horn).

культуры в III–V вв. н.э. для декорирования повязок-диадем (венцов, полувенцов), либо в качестве обкладок (очелий) накидок (Соенов, 2000, рис. 2: 9; Худяков, 2014, с. 111–112; Самашев, 2018, рис. 34; Трифанова, Соенов, 2019, с. 34, рис. 6: 4, 5, 8; 7: 8, 10, 14).

Бронзовые пластины-нашивки в виде прямых узких полос с абрисом вытянуто-прямоугольной формы представлены пятью экземплярами, три из которых декорированы точечным узором (рис. 3: 4–8). Установле-

но, что данные украшения в могиле лежали перпендикулярно относительно ранее рассмотренной большой пластины. Похожие нашивные элементы головных уборов обнаружены на Алтае в погребальных комплексах Улуг-Чолтух-I (курган №29) и Верх-Уймон (курган №27) (Соенов, 2000, рис. 2: 1–3; Худяков, 2014, рис. 5: 8–10). Украшения рассматриваемого типа предварительно представляется возможным датировать в рамках середины III – V в. н.э.

Подвеска из зуба марала со сквозным отверстием для тканевого шнура или ремешка (рис. 3: 9), найденная под тазовыми костями (изделие, вероятно, помещалось в сумочку, либо подвешивалось к поясу), имеет аналогии в материалах булан-кобинских комплексов II–V вв. н.э. (Трифанова, Соенов, 2019, с. 53, рис. 25).

В состав уздечных принадлежностей из кургана №32а входили железные удила с крюковым соединением грызл и петельчатыми окончаниями округлой формы без псалиев, снабженные петлями вытянуто-овальной формы (рис. 4: 2). Удила данной конструкции демонстрируют линию эволюции узды с раннесяньбийского периода (конец I – начало III в. н.э.) (Мамадаков, 1990, с. 104; Яремчук, 2005, рис. 107: 3; 110: 6, 8, 9; 111: 3, 5; 113: 3; Борисенко, Худяков, Юй Су-Хуа, 2006). На Алтае точные аналогии таким изделиям происходят из погребальных комплексов второй половины IV – первой половины V в. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 110; табл. 30: 7, 9; 31: 1, 2).

Найденная в кургане №32а железная уздечная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на основании овальной рамки, соединенной с подвижным щитком-полуобоймой (рис. 4: 1), имеет аналогии среди уздечных гарнитур из погребений жужанского времени (Тетерин, 1995, рис. 43–45). При этом по своему облику она близка к поясным пряжкам, получившим распространение в конце II – III вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–47).

Тренчик уздечного ремня, сделанный из несомкнутой полуобоймы (рис. 4: 3), своим обликом напоминает металлические зажимные бляхи-скобы, использовавшиеся «булан-кобинцами» в IV–V вв. н.э. для декорирования поясных и уздечных ремней (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 82–83; табл. 19: 3–8; 22: 15–22).

Костяная (роговая) подпружная пряжка с подвижным язычком, закрепленным на вставной костяной вертлюге в основании рамки арочной формы с щитком, выделенным от рамки и фиксирующимся к ремню с помощью прорези, соединенной с отверстием для свободного конца ремня (рис. 4: 3), относится к модификациям седельных застежек, получивших широкое распространение у населения Алтая под влиянием материальной культуры сяньби не ранее второй половины

III – начала IV вв. н.э. Данные изделия выступают одним из маркеров снаряжения «булан-кобинцев» жужанского периода (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 116–117, рис. 109: 6).

В кургане №32а найдены хорошо сохранившиеся костяные (роговые) окантовки от двух луков седла (рис. 4: 7, 8). Такие предметы представляют собой исключительно редкую категорию конского снаряжения из памятников кочевников Центральной Азии. На сегодняшний день наиболее ранние свидетельства использования седел с кантами по верхнему торцу луков известны у поздних сяньби Северного Китая в IV в. н.э. Среди хорошо сохранившихся окантовок следует упомянуть широко известное седло из могильника Шиэртаи в Чаояне, у которого по внешнему торцу луков шла бронзовая П-образная в сечении полоса, прижимавшая края наружной и внутренней металлических накладок и закреплявшая их на луке (Степанова, 2015, с. 411, илл. 5). Судя по всему, более близкой аналогией является «жесткое» седло из скального погребения жужанского времени в Монгольском Алтае (Урд улаан унээт), на котором просматривается костяная (роговая) окантовка торца передней и задней луков (Серегин, Матренин, Идэрхангай, 2020: рис. 2).

Снаряжение женщины из кургана №32а включало относительно немногочисленные железные предметы, фиксировавшиеся к поясному ремню. Установлено, что пряжка, оснащенная подвижным язычком, овальной рамкой и щитком в виде пластины-полуобоймы (рис. 3: 14), относится к модификациям, использовавшимся кочевниками Алтая во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 46–48). Бляха-накладка из рассматриваемого погребения, выполненная из одной слегка изогнутой пластины прямоугольной в плане формы со шпеньковым креплением (рис. 3: 19), принадлежит к числу гарнитур, получивших распространение в регионе под влиянием традиций материальной культуры сяньби во второй половине II – начале III в. н.э. и широко применявшихся до V в. н.э. включительно (Матренин, 2017, с. 62, 72; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, с. 88; Серегин и др., 2022, с. 68–69). Две бляхи-полуобоймы с подвижным кольцом (рис. 3: 16, 17) являются хронологически показательным элементом поясов населения Алтая и других народов Северной

и Центральной Азии во II–V вв. н.э. (Матренин, 2017, с. 74–75).

Орудия труда представлены в инвентаре женского захоронения кургана №32 комплекса Чобурак-I единичными изделиями. Среди них особого внимания заслуживает каменное дисковидное пряслице со сквозным отверстием в центре, имеющее на одной стороне резной орнамент в виде окружности с расходящимися от нее шестнадцатью «лучами» (рис. 3: 13). Наиболее близкие по оформлению предметы обнаружены на Алтае в захоронениях развитого (Булан-Кобы-IV, погребение №12) и позднего (Верх-Уймон, курган №27) этапов булан-кобинской культуры (Мамадаков, 1990, рис. 18: 2; Соенов, 2000, рис. 2: 7). Актуальными для хронологической атрибуции являются пряслица с похожим узором, обнаруженные в археологических памятниках Верхнего Приобья IV–V вв. н.э. (Грязнов, 1956, табл. XXXIII: 14–16). Шило в виде обломанного железного стержня с квадратным поперечным сечением (рис. 3: 15) имеет аналогии преимущественно в мужских погребениях населения Алтая II–V вв. н.э. (Тишкин, Матренин, Шмидт, 2018, табл. 38: 4, 6–7; Серегин и др., 2022, с. 92–93; и др.).

Обсуждение результатов

Проанализированный комплекс предметов сопроводительного инвентаря с учетом нижней границы появления наиболее поздних изделий дает основания для датировки кургана №32а памятника Чобурак-I в рамках середины – второй половины IV в. н.э. Это заключение в целом согласуется с результатами хронологической интерпретации других погребений рассматриваемого некрополя булан-кобинской культуры.

Погребальный обряд, зафиксированный в ходе раскопок кургана №32а, а также других объектов могильника булан-кобинской культуры на памятнике Чобурак-I, по совокупности признаков обнаруживает высокую степень сходства с комплексом предтюркского времени Дялян, который расположен также в Северном Алтае (Тетерин, 1991; Митько, 2019). Особенностью обозначенных некрополей являлось наличие в могилах всех мужчин и женщин захоронения лошади в юго-восточной части «длинной» ямы, а также отсутствие погребений взрослых людей, совершенных по другому ритуалу. Данное наблюдение можно рассматривать в качестве свидетель-

ства монолитности носителей дялянкой традиции обрядовой практики, хоронивших на некрополях Дялян и Чобурак-I, состоявших, вероятно, из кровных родственников.

Исторические судьбы рассматриваемой локальной группы населения булан-кобинской культуры были тесно связаны с Жужанским каганатом. Судя по имеющимся археологическим материалам, во второй половине IV – начале V в. н.э. носители дялянкой традиции обрядовой практики стали местной элитой общества кочевников Северного Алтая (Серегин, Матренин, 2020). После ослабления жужаней и образования в середине VI в. н.э. Первого тюркского каганата «дяляны» оказались вовлечены в миграционный поток в западном направлении, отражением которого можно считать появление во второй половине VI – VII в. н.э. в восточноевропейских степях могил с лошадей и отдельными частями ее туши, уложенными в «длинных» ямах с западной и северо-западной ориентировкой и размещенными в ногах покойных на разном уровне (Митько, 2018, с. 38). Вероятно, еще одна линия истории была связана с переселением носителей дялянкой традиции в северные предгорья Алтая, что в итоге привело к формированию одного из компонентов, принявшего участие в генезисе сrostкинской культуры Алтайской лесостепи (Уманский, 1970, с. 50–63; Горбунов, 2020, с. 31–33).

В рамках обсуждения специфики женского захоронения из кургана №32а памятника Чобурак-I следует отметить такую редкую деталь, как ритуальная мясная пища, зафиксированная в виде многочисленных костей овцы (пояснично-крестцовая часть скелета, лопатки, ребра). Не исключено, что куски мяса были помещены на деревянное блюдо. В материалах рассматриваемого некрополя документированы еще три случая обнаружения ритуальной пищи на кости в виде отдельных позвонков мелкого рогатого скота, которые происходят только из мужских захоронений. Сравнительное изучение результатов раскопок комплексов булан-кобинской культуры Алтая показывает, что мясная пища на кости зафиксирована в 30% мужских, 21% женских, 14% детских и подростковых захоронений (Серегин, Матренин, 2020, с. 34). При этом отсутствие таких свидетельств у большинства групп населения Северного Алтая во II–V вв.

н.э. было нормой погребальной обрядности (Серегин, Матренин, 2016, с. 69).

Анализ материалов из кургана №32а памятника Чобурак-I позволяет сделать ряд наблюдений относительно прижизненного социального статуса погребенной. Судя по результатам антропологических определений, покойная имела возраст 40–50 лет и являлась самой «взрослой» среди женщин из рассматриваемого могильника. По качественному составу зафиксированных вещевых комплексов данное захоронение выбивалось из «социального стандарта» женского инвентаря кочевников булан-кобинской культуры эпохи Великого переселения народов, который предусматривал наличие основного (преимущественно простого) пояса и небольших металлических украшений, обычно в виде бронзовых блях-нашивок (подвесок) на головной убор и (или) верхнюю одежду (Серегин, Матренин, 2020, с. 72). Важно подчеркнуть, что с женщиной из кургана №32а были найдены комплект «престижных» нашивных украшений головного убора в виде бронзовых пластин, снаряжение верхового коня (удила, уздечная и седельная пряжка, тренчик ремня, два седельных канта), а также другие изделия (две серьги, подвески из зуба марала, наборный пояс с небольшим количеством гарнитур, каменное пряслице, шило), которые демонстрируют довольно высокий прижизненный социальный статус покойной. В целом, имеются основания для заключения о принадлежности ее к привилегированной группе кочевников жужанского времени. Отметим, что в составе некрополя Чобурак-I курган №32а располагался в непосредственной близости с объектом №34, в котором была похоронена женщина 30–35 лет, судя по неординарному сопроводительному инвентарю являвшаяся представительницей местной элиты населения булан-кобинской культуры Северного Алтая второй половины IV в. н.э.

Заключение

Анализ материалов, полученных в ходе раскопок погребения женщины из кургана №32а некрополя Чобурак-I, позволяет установить датировку данного объекта в рамках середины – второй половины IV в. н.э., что соответствует началу жужанского периода в истории населения Алтая. Зафиксированные особенности ингумации с верховым конем демонстрируют принадлежность данного захоронения к дялянской традиции обрядовой практики кочевников булан-кобинской культуры. Обнаруженная серия изделий сопроводительного инвентаря имеет значительное количество аналогий в погребальных памятниках Алтая эпохи Великого переселения народов, а также содержит редкие типы украшений, снаряжения верхового коня и орудий труда (серьги с основанием в виде цилиндрической спирали, большая нашивная пластина на головной убор, пряслице с солярным орнаментом, роговые седельные канты и подпружная пряжка с сохранившимся подвижным язычком). Судя по составу предметов, женщина, похороненная в кургане №32а, обладала достаточно высоким социальным статусом в рамках локального коллектива булан-кобинской культуры, оставившего могильник Чобурак-I. Исторические судьбы данной группы населения, по-видимому, были связаны с Жужанским каганатом. Публикуемые данные уточняют сложившиеся представления об общих и особенных элементах материальной и духовной культуры кочевников Северного Алтая на рубеже поздней древности и раннего средневековья и дополняют корпус источников для проведения археологических реконструкций. Полученные результаты демонстрируют актуальность продолжения исследований, направленных на изучение социального статуса женщин в обществах кочевников Северной и Центральной Азии различных хронологических периодов.

Примечание:

¹ Половозрастные определения выполнены заведующей кабинетом антропологии Института истории и международных отношений к.и.н. С.С. Тур.

ЛИТЕРАТУРА

Арсланова Ф.Х. Курганы с «усаами» Восточного Казахстана // Древности Казахстана / Отв.ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1975. С. 116–129.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Особенности конского снаряжения сяньби // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XII. ч. II. / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2006. С. 280–285.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 146 с.

Горбунов В.В. Сопроводительные захоронения животных на могильнике Иня-1 в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXVI. / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Алт. ун-т, 2020. С. 235–243.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л.: АН СССР, 1956. 162 с.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. Новосибирск: СО РАН, 2017. 142 с.

Митько О.А. Археологические свидетельства миграции алтайских племен в восточноевропейские степи в конце первой половины I тыс. н.э. // Актуальные вопросы изучения историко-культурного наследия народов Евразии / Отв. ред. Е.Б. Сыдыков. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2018. С. 26–39.

Самашев З.С. Оружейный комплекс сяньбэй в контексте культуры (по материалам некрополя Берель в Казахском Алтае) // Великая степь: военное наследие / Отв. ред. П.А. Утепова. Астана: Военно-исторический музей ВС РК, 2018. С. 56–72.

Серегин Н.Н., Демин М.А., Матренин С.С., Уманский А.П. Северный Алтай в эпоху Великого переселения народов (по материалам археологического комплекса Карбан-1). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 276 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н.э. – XIV в. н.э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 268 с.

Серегин Н.Н., Матренин С.С., Идэрхангай Т.-О. Скальное погребение Урд Улаан Унээт (Монгольский Алтай): возможности культурно-хронологической интерпретации // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №2 (49). С. 38–51.

Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Матренин С.С., Паршикова Т.С. Погребение жужанского времени из Северного Алтая (по материалам могильника Чобурак-1) // Теория и практика археологических исследований. 2019. №4. С. 51–68.

Соенов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. № 5. / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2000. С. 48–62.

Соенов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. 116 с.

Степанова Е.В. Седла гунно-сарматского времени // Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Труды ГЭ. Т. 77 / Отв. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: ГЭ, 2015. С. 389–425.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюрокского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. С. 155–157.

Тетерин Ю.В. Поясные наборы гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 131–135.

Тетерин Ю.В. Серьги гунно-сарматской эпохи Южной Сибири (проблемы типологии и хронологии) // Вестник Новосибирского государственного университета. 2005. Т. 4. № 5. С. 52–64.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Алтай в сяньбийско-жужанское время (по материалам памятника Степушка). Барнаул: Алт. ун-т, 2018. 368 с.

Трифанова С.В., Соенов В.И. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2019. 160 с.

Тур С.С., Матренин С.С., Соенов В.И. Вооруженное насилие у скотоводов Горного Алтая гунно-сарматского времени // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. № 4. С. 132–139.

Уманский А.П. Археологические памятники у с. Иня // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. 1970. Вып. 11. С. 45–74.

Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. №1. С. 107–114.

Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 3. С. 116–131.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии. Дисс. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

Информация об авторах:

Серегин Николай Николаевич, доктор исторических наук, зав. лабораторией, доцент, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); nikolay-seregin@mail.ru

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, зав. кафедрой, профессор, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); tishkin210@mail.ru

Матренин Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); matrenins@mail.ru

Паршикова Татьяна Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Алтайский государственный университет (г. Барнаул, Россия); taty-parshikova@yandex.ru

REFERENCES

Arslanova, F. Kh. 1975. In Kadyrbaev, M. K. (ed.). *Drevnosti Kazakhstana (Antiquities of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 116–129 (in Russian).

Bobrov, V. V., Vasiutin, A. S., Vasiutin, S. A. 2003. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniia narodov (Eastern Altai in the Era of the Great Migration)*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Archaeology and Ethnography Publ. (in Russian).

Borisenko, A. Yu., Khudyakov, Yu. S., Juj, Su-Hua. 2006. In Derevianko, A. P., Molodin, V. I. (eds.). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Issues of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and the Adjoining Territories)*. Vol. 12. Part 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 280–285 (in Russian).

Gavrilova, A. A. 1965. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. (Kudyrge Burial Mound as a Source on the History of Altai Tribes)*. Moscow, Leningrad: the Academy of Sciences Publ. (in Russian).

Gorbunov, V. V. 2020. In Tishkin, A. A., (eds.). *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaiskogo kraia (Preservation and Study of the Cultural Heritage of Altai Krai)* 26. Barnaul: Altai State University Publ., 235–243 (in Russian).

Gryaznov, M. P. 1956. *Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka (History of Ancient Tribes from the Upper Ob on the Basis of Excavations near Bolshaya Rechka)*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 48. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Mamadakov, Yu. T. 1990. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v pervoy polovine I tys. n.e. (Culture of the Central Altai population in the first half of the I millennium AD)*. Diss. ... the Candidate of Historical Sciences. Novosibirsk (in Russian).

Matrenin, S. S. 2017. *Snaryazhenie kochevnikov Altaya II v. do n.e. – V v. n.e. (Equipment of the Altai Nomads (the 2nd Century BC – 5th Century AD))*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Mitko, O. A. 2018. In Sydykov, E. B. (ed.). *Aktual'nye voprosy izuchenija istoriko-kul'turnogo nasledija narodov Evrazii (Topical issues of studying the historical and cultural heritage of the peoples of Eurasia)*. Astana: Eurasian national University of L.N. Gumilyov Publ., 26–39 (in Russian).

Samashev, Z. S. 2018. In Utepova, P. A. (ed.). *Velikaya step': voennoe nasledie (Great Steppe: military legacy)*. Astana: Voenno-istoricheskij muzej VS RK Publ., 56–72 (in Russian).

Seregin, N. N., Demin, M. A., Matrenin, S. S., Umanskiy, A. P. 2022. *Severnyy Altaj v jepohu Velikogo pereseleniya narodov (po materialam arheologicheskogo kompleksa Karban-I) (Northern Altai in the Great Migration Period (on the materials of the Karban-I archaeological complex))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2016. *Pogrebal'nyy obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e. (The burial rite of the nomads of Altai in the II century BC – XI century AD)*. Barnaul: Altai University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S. 2020. *Sotsial'naya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arkheologicheskikh kompleksov (The social history of the population of Altai in the era of nomadic empires (II century BC – XIV century AD): based on materials from archaeological complexes)*. Barnaul: Altai University (in Russian).

Seregin, N. N., Matrenin, S. S., Idjerhangaj, T.-O. 2020. In *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii (Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography)* (2), 38–51 (in Russian).

Seregin, N. N., Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Parshikova, T. S. 2019. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy (Theory and practice of archaeological research)* (4), 51–68 (in Russian).

Soenov, V. I. 2000. In Soenov, V. I. (ed.). *Drevnosti Altaia. Izvestiia laboratorii arheologii (Antiquities of the Altai. Bulletin of the Laboratory of Archaeology)* 5. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 48–62 (in Russian).

Soenov, V. I., Ebel, A. V. 1992. *Kurgany gunno-sarmatskoy epokhi na Verkhney Katuni (Mounds of the Hun-Sarmatian era on the Upper Katun)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Institute (in Russian).

Stepanova, E. V. 2015. In Korol'kova, E. F. (ed.). *Arkheologiya bez granits: Kollektzii, problemy, issledovaniya, gipotezy (Archaeology Without Borders Collections, Problems, Studies, Hypotheses)*. Series: Transactions of the State Hermitage Museum 77. Saint Petersburg: The State Hermitage Publ., 389–425 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 1991. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy khronologii i periodizatsii arkheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnoy Sibiri (Issues of Chronology and Periodization of Archaeological Sites of South Siberia)*. Barnaul: Altai State University, 155–157 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 1995. In Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya (Problems of protection, study and use of the cultural heritage of Altai)*. Barnaul: Altai State University, 131–135 (in Russian).

Teterin, Yu. V. 2005. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. (Bulletin of the Novosibirsk State University)* (5), 52–64 (in Russian).

Tishkin, A. A., Matrenin, S. S., Shmidt, A. V. 2018. *Altay v syan'bijsko-zhuzhanskoe vremya (po materialam pamyatnika Stepushka) (Altay in the Xianbei-Rouran Period (based on the Stepushka Site))*. Barnaul: Altai University Publ. (in Russian).

Trifanova, S. V., Soenov, V.I. 2019. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (The Altai population adornments in the Hunnic-Sarmatian period)*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University (in Russian).

Tur, S. S., Matrenin, S. S., Soenov, V. I. 2018. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (4), 132–139 (in Russian).

Umanskiy, A. P. 1970. In *Izvestiya Altayskogo otdela Geograficheskogo obshchestva SSSR (Proceedings of the Altai Department of the Geographical Society of the USSR)* (11), 45–74 (in Russian).

Khudyakov, Yu. S. 2014. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (1), 107–114 (in Russian).

Chikisheva, T. A., Pozdnyakov, D. V. 2000. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii (Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia)* (3), 116–131 (in Russian).

Yaremchuk, O. A. 2005. *Mogil'nik Zorgol-I – pamyatnik khunno-syan'biyskoy epokhi stepnoy Daurii (The burial ground of Zorgol-I is a monument of the Xiongnu-Xianbei era of the steppe Dauriya)*. Diss. ... the Candidate of Historical Sciences. Chita (in Russian).

About the Authors:

Seregin Nikolai N. Doctor of Historical Sciences, Head of Laboratory, Associate Professor. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; nikolay-seregin@mail.ru

Tishkin Aleksey A. Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Professor. Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; tishkin210@mail.ru

Matrenin Sergey S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; matrenins@mail.ru

Parshikova Tatyana S. Candidate of Historical Sciences, Altai State University, Lenin ave., 61, Barnaul, 656049, Russian Federation; taty-parshikova@yandex.ru

Статья поступила в журнал 25.08.2023 г.
Статья принята к публикации 25.10.2023 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу.